

М.И. ЧЕРЕМИСИНА

## МОДЕЛЬ (ГИПЕРМОДЕЛЬ) ОПИСАНИЯ ДЕЙСТВИЯ {N=1 N=4 (N=7) Vtr}

Задачей настоящей статьи является описание центральной модели элементарного простого предложения — модели, обобщенную пропозицию которой составляет действие, понимаемое как воздействие активно-го субъекта-актора на объект (пациенс), одушевленный или неодушевленный.

Элементарное простое предложение понимается нами как двусторонний языковой знак, означающая и означаемая сторона которого неразрывно связаны, однако в отличие от морфемы и, в принципе, от лексем, эта связь остается мотивированной, живой. Поэтому синтаксический смысл каждой модели определенным образом следует из органического единства грамматических смыслов необходимых структурных компонентов предложения.

Подобно знакам других языковых уровней, элементарные простые предложения каждого языка (далее ЭПП) хранят в себе очень обобщенные представления обо всех типах жизненных ситуаций и являются способом их выражения. Бесконечное разнообразие реальных ситуаций язык сводит к конечному и небольшому числу взаимно противопоставленных единиц, составляющих целостную, замкнутую систему. Как, в какой форме существуют они в языковом подсознании носителей языка, нам узнать не дано. Поэтому мы предлагаем модели этих объектов, в которых должны отобразиться важнейшие, с нашей точки зрения, свойства моделируемых объектов, — самих языковых знаков синтаксического уровня, уровня предложений.

Модели ЭПП мы фиксируем в структурно-семантических формулах, представляя слева структурную схему, справа в “марровских кавычках” соответствующую ей семантическую запись. Структурная схема строится на базе символов классов слов: N существительное — актант, с дескрипторами падежей: N=4, N=1, N=6 — падежи прямого объекта, — соответственно, винительный или его эквиваленты — неопределенный и исходный; V в формулах моделей предложений, описывающих местонахождение и движение используются также символы локализаторов: Lok ‘где’, Lat ‘куда’, Elat ‘откуда’; Vf — глагол-предикат. Другие дескрипторы (транзитивности, персональности и некот. др.) бу-

дут вводиться и поясняться по мере необходимости в ходе изложения. В семантической записи используем вопросительно-относительные местоимения.

В состав структурной схемы включаются предикат, который для всех глагольных предложений обозначается как Vf, и необходимые предметные участники, без которых не может состояться ситуация данного типа, т.е. актанты (N с указанием падежа); в структурные схемы предложений, формируемых глаголами движения и местонахождения, входят также локализаторы, статус которых приравнивается к статусу актантов, хотя традиционно они оцениваются как обстоятельства, не входящие в число необходимых компонентов модели.

Сложнее обстоит дело с семантическим отображением глагола. Предикат — главный член предложения, “хозяйин”, “распорядитель кредитов” [Распопов]. От его семантики, проявляющейся в модели управления, зависит структура порождаемого предложения. В структурах элементарных простых предложений модели управления глаголов конкретизируются, ограничиваются до коммуникативно достаточного минимума, определяющего требуемый лексико-семантический вариант. Поэтому задача представления предиката в модели состоит в том, чтобы отобразить именно его специфическую семантику — то есть то в ней, что предопределяет данную модель управления.

На первый взгляд казалось естественным предположить, что каждой глагольной модели должна соответствовать одна или несколько близких лексико-семантических групп; это позволяло бы представлять ее предикат с помощью глагола-идентификатора этой группы, — например, в семантической записи, соответствующей структурной схеме {N=1 N=4 N=3 Vtr} представлять глагол-предикат основным глаголом давания — тюрк. *бер*= (рус. *давать*, нем. *geben*) Однако в работе с конкретным языковым материалом быстро выявилось несоответствие в характере самой типизации в системе лексики (лексикологии) и в системе синтаксиса предложения.

В синтаксисе речь должна идти об обобщенной, типизированной семантике не определенной лексико-семантической группы глаголов, а о гораздо более общей, “структурно-семантической семе”, которая должна присутствовать и присутствует в семантике каждого глагола, становящегося предикатом данной модели. Сама модель при этом выступает не как жесткая формула, которой глагол или соответствует, или не соответ-

ствует (и потому либо может, либо не может выступать “ее предикатом”); гораздо чаще она выступает как гибкий “механизм”, который определенным образом воздействует на глагол, что-то в его семантике подправляя, подравнивая — и тем самым позволяя ему войти в данное множество.

Сейчас под этим углом зрения попробуем рассмотреть класс предикатов одной, но центральной модели, план выражения которой можно представить структурной формулой  $\{N=1 N=4 Vtr\}$ .

Эту структурную схему можно назвать “базовой” для целой серии моделей, формируемых транзитивными глаголами и описывающих более сложные ситуации, предполагающие большее число участников — актантов. В этой минимальной модели представлены только два актанта, совершенно необходимые для того, чтобы выразить именно действие, а не состояние, не процесс, не “положение дел”. Поэтому общую формулу соответствующей модели представляем формулой:

$$\{N=1 N=4 Vtr\}$$

кто/что – кого/что (воздействие)

Действие как лингвистическая (синтаксическая) категория понимается как процесс, исходящий от субъекта и обязательно направленный на объект. Е.В. Падучева, возражая против традиционного представления о действии как о семантике всех глаголов, предлагает более строгое толкование семантики глаголов действия, выделяет следующие определяющие ее компоненты:

1. Компонент “действие”, общий для всех глаголов действия.
2. Компонент “становление” (изменение, переход объекта в состояние Z).
3. Компонент каузации (изменение O есть следствие действия S).
4. Компонент “контакт” (в некоторый момент S и O контактируют физически).
5. Компоненты единства места и времени.
6. Компонент “намеренность”.

Действие направлено к достижению цели и предполагает контакт между субъектом и объектом, а тем самым и “единство места и времени”. Оно всегда связано с каким-то усилием, с затратой энергии, либо физической, либо духовной, интеллектуальной.

Отсюда следует сочетаемость глаголов действия с актантами “деятель” и “объект” и возможность появления актанта “инструмент” и “флюентов” места и времени. Толкование иллюстрируется фразой “Петр убил крысу” = Петр сделал нечто с телом крысы, в силу чего она стала мертва [Падучева, 1991].

Глаголы, обладающие такой валентностью, являются переходными и формируют предложения, описывающие разнообразные действия. Но модель, о которой сейчас пойдет речь, описывает не любое действие; она формирует базовое, минимальное представление о действии, которое и “задается” указанием на сам процесс и на двух его необходимых участников — на производителя действия и на объект, на который оно направлено. Например:

алт.: *Мен огурчындар улай ла сугарып турбай* (ТШ,АК,23) ‘Я ведь огурцы постоянно поливаю’; *Темдек јитке=зин тырмады* ‘Тырмак почесал затылок’; *Мен эжик=ти ачтым* ‘Я открыл дверь’; *Сен мында менин кызым=ды кетежип турган болдын ба?* ‘Ты не мою ли дочь здесь караулишь?’; *Сен менин кижим=ди не мекеледиң* (СС,АКС,15) ‘Ты почему моего человека обманул?’;

хак.: *Ол ам трактор=ны маңат чьргис полар* ‘Он теперь трактор хорошо водить будет’; *Торгы Иней Тана=ны таныбады* ‘Старушка Иней Тану не узнала’; *Домна нир дее сьс пилбеен орыстап* (НД,БИА,162) ‘Домна ни слова не знала по-русски’; *Прай ниме=ни чазырбин чоохтап нир, Сабис* ‘Не скрывая, рассказывай все, Сабис’;

тув.: ...*уруглар аяктарын чуп кааптылар* ‘...девочки вымыли посуду’; *Тыва дарган билзек=ти соккан* ‘Тувинский кузнец сковал кольцо’.

Первый актант в этих предложениях представляет производителя действия. Эту функцию называют актором или агенсом. Ей соответствует синтаксическая позиция подлежащего и форма именительного падежа (в тюркологии его называют обычно неопределенным).

Рассматриваемая модель предъявляет довольно жесткие требования к словам, замещающим эту позицию. Это должны быть слова, заключающие в себе сему активности, способности действовать. Естественно, что этому требованию удовлетворяют прежде всего слова, обозначающие людей или указывающие на них: лично-указательные местоимения, существительные, личные имена, термины родства и другие личные нарицательные существительные, потому что только человек в полной ме-

ре способен целенаправленно воздействовать на окружающий мир.  
Примеры:

алт.: *Бис* оны эмди ле тиргизип аларыс (ЛК, АК, 23) 'Мы его теперь же оживим'; *Олор* мени оңдобой ядылар 'Они меня не понимают'; *Татьяна Товаровна Шураны токтотты* 'Татьяна Товаровна остановила Шуру'; *Тогузон Тогус* ол уулдарды аргадап алган "Девяносто девять" (прозвище человека) этих парней спас'; *Нөкөрүм* борбок сагал өскүрүп алган (БУ, С, 19) 'Мой друг отрастил пышную бороду';

тув.: *Сарыг-оол* малды кадарып чор 'Сарыг-оол пасет скот'; *Улуг дүжүметти мен* танып кагдым 'Я узнал старшего чиновника';

шор.: *Абазы* эски салдарды: тарбаштарды, шалгыларды, азыр-баштарды чазапча (Чуд.) 'Его отец старые плуги, грабли, вилы подправляет'; *Кем* столдуң азағын сындырыбыскан (ЕСК) 'Кто сломал ножку стола?'; *Мен* кузурук чоқ тўлгўнў өдўрбалғам (ВСТ) 'Я убил лицицу без хвоста';

хак.: *Чох, мин* Танаа хынминчам 'Нет, я не люблю Таню'; *Син* пенсия аларға кирексің 'Ты должна получать пенсию'; *Ойынның* оңдайын *Нина* чарытча 'Нина разъясняет правила игры'; *Аны чон* ундубас 'Народ его не забудет'.

Во всех этих предложениях агентс — человек. Однако "активное начало" усматривается и за стихийными силами природы:

алт.: *Кўски* жеңил *салкын* жалбырактарды араай жайкайт 'Осенний легкий ветерок тихо качает листья'; *Ээ, энези, жанмыр* бу огородты сугарып койгон 'Ээ, мать (обращение к жене), дождь этот огород полил';

шор.: *Сооқ салгын* агаш пўрин какча (ДШГ, 274) 'Холодный ветер срывает листья деревьев'.

Иногда в позиции актора появляются зоонимы, а в современной речи действующими как бы самостоятельно предстают и машины. Например:

алт.: *Бөрүлер* кулунды жип салдылар 'Волки съели жеребенка'; *Одуга айулар* табарып, мени арай ла жиглебеди 'На стоянку напали медведи, меня чуть не съели'.

Иногда в позицию актора попадают даже названия растений, событий, разных абстракций, идеальных сущностей, которым "приписывается" прямое воздействие на "второй актант" — объект данного действия:

алт.: Эски өлөнниг алдынаг көк тамандар баштарын өрө көдүрүп турдылар 'Из-под старой травы подснежники поднимали вверх свои головки';

хак.: *Ол ибیره турған ағастарның сіліи аның көңлің чазап полбаннар* (ИК, ЧХ, 51) 'Красота стоявших вокруг него деревьев не могла успокоить его душу'; *Тананың чіт парғаны ам даа чүреен кимірчеткен* (ИК, ЧХ, 76) 'Исчезновение Таны (то, что Тана исчезла) до сих пор терзало его сердце'.

Для современной речи характерно использование в позиции актора названий механизмов и других артефактов.

Второму актанту соответствует семантическая функция пациенса — "терпящего", испытывающего непосредственно направленное на него действие. В позиции объекта-пациенса встречаются и местоимения, и имена существительные самой разной семантики: и имена людей, собственные и нарицательные, и названия животных, растений, неодушевленных предметов, веществ, абстрактных понятий. Примеры:

алт.: *Черүге барзан, ундыба бис=ти, самара бичи...* (ТШ, ЫЭИ, 192) 'В армию пойдешь, нас не забывай, письма пиши'; *Кан=ды аятарып койгонус* (ЖК, КСА, 18) 'Царя сбросили=мы'; *Эмди чакны=ны өркө сеспезин, тобракла эмеш көмөр керек* (ТШ, АК, 33) 'Теперь, чтобы суслик не учуял капкан, надо немного присыпать (его) землей'; *Мен бу куучын=ды јаштан ала угатам* 'Я этот рассказ слышу с детства'; *Ол јүрүм=ди меннег, Эркеменнег артык оядоп јат* (АА, УБТ, 119) 'Он понимает жизнь лучше, чем я, чем Эркемен';

хак.: *Хаңаадағылар пу чиит оол=ны көр сыхханнар* (НД, ЫА, 19) 'Сидевшие на телеге начали осматривать молодого парня'; *Хакас аалларында олаңай чон андағ-мындағ сағыс тутпинча* (НД, ЫА, 32) 'В хакасских аалах простой народ всякие (такие-сякие) мысли не держит'.

В тюркских языках Южной Сибири этот компонент структуры, прямой объект, в составе предложения выступает в одной из трех форм — винительного падежа, неопределенного и, значительно реже, исходного (в значении частичного прямого объекта). Каждая из этих трех форм определенным образом характеризует объект.

Винительный и неопределенный падежи противопоставлены по двум линиям.

Во-первых, в алтайском и тувинском языках продолжает действовать закон, согласно которому форму винительного падежа обязательно

принимает имя прямого объекта, если он линейно дистанцирован от глагола. Тем самым, вопрос о семантической, функциональной специфике винительного по сравнению с неопределенным возникает только в той позиции, где между падежами возможен выбор. Это позиция непосредственно перед управляющим глаголом, где допустимы оба падежа.

К хакасскому языку сказанное не относится, поскольку традиционный порядок слов здесь нарушается регулярно. Относительно шорского языка у меня соответствующих сведений нет.

Во-вторых, в той позиции, где выбор возможен, предпочтение винительного падежа связывают с определенностью объекта — с его известностью, индивидуальностью, выделенностью из среды. Форма неопределенного падежа чаще всего указывает либо на неиндивидуализированность объекта, либо же на его органическую включенность в данное действие (что тоже влечет за собой утрату индивидуальности): суу экел 'принести воды', *а́лõн чабар* 'косить сено'. Но эти общие закономерности требуют серьезной и непредвзятой проверки и уточнения на материале каждого языка. Так, наши наблюдения показывают, что форма без аффикса винительного падежа предпочитается тем последовательнее, чем менее определенным, слабее очерченным, менее выделенным из среды и "слитым с действием" представляется сам объект, чем слабее его референтное значение противостоит денотативному.

Личные местоимения, личные имена, термины родства в роли прямых дополнений всегда характеризуются четкой отнесенностью к референту-лицу — и они никогда не употребляются без аффиксов винительного падежа. Не встречены и названия людей по профессии, по полу и возрасту без этих аффиксов, но иногда встречаются слова *кижи* 'человек' и *улус* 'люди', — если идет речь о "каких-то" людях — неопределенных, всяких представителях данного рода, например:

алт.: *Аня эмеген улус эмдейтен, эм белетен јүретен* (ЛК,АК,251) 'Бабушка Аня готовит лекарства, лечила людей (разными лекарствами, разных, всяких людей)'

Сравнительно редки, но встречаются без падежных аффиксов названия животных, птиц и конкретных предметов. Например:

алт.: *Орой кўске јетире јылкы кабыргам* 'До поздней осени я пас табун'; *Карындажым Талайка јаан а́ркõ а́лтүрген* (ТШ,АК,34) 'Мой братишка Талайка большого суслика убил'. Само предпочтение формы

неопределенного падежа форме винительного говорит о того типа неопределенности, какая в немецком выражалась бы артиклем *ein*, а не *der*.

Чаще всего без аффиксов выступают такие “привычные” неиндивидуализированные объекты, которые так тесно связаны с данным действием, что в данном контексте как бы не мыслятся самостоятельными и отдельными. Они часто оказываются лишенными той выделенности из среды, ограниченности в пространстве, которая в тюркских языках, как и в русском, является основой “предметности”, “вещности”. Например:

алт.: *Одын да, суу да экелер кижси жок* ‘Ни дров, ни воды принести некому’; *Балдар жишлек жийтен* ‘Дети обычно едят ягоды’; *Катшай, база от экел* (ЛК, АК, 253) ‘Скорей, еще огня неси!’; *Энем картошко кайнаткан* ‘Мама картошку сварила’ (неопределенный объект, неопределенный падеж). Ср. также: *Клара сурекей жараш туй тужелди* (ЛК, АК, 252) ‘Клара очень красивый сон видела’.

Третий падеж пациенса (прямого объекта) в тюркских языках Южной Сибири — исходный; он маркирует объекты, лишь частично охватываемые действием:

алт.: *Абый чйгбндб чай=ы=наг эмгендерге урды* ‘Абый в чайнике чай женщинам налила’; *Эне, слер колхозтыг огурчын=наг не экелбедигер?* (ТЦ, АК, 25) ‘Мама, почему вы не принесли колхозных огурцов?’ (часть, а не все); *Алдыгарда жаткан аш=таг амзагар!* ‘Попробуйте (той) еды, которая перед вами’; ср. также: *Койдог сойып аларыс* ‘Мы зарежем овец (одну-две из многих)’;

тув.: *Меңэ саазын садар каш акша=дан берем* ‘Дай мне немного денег купить бумагу’; *Эрги машина-биле хилинчектиг-дир: чаа машина=дан садып алза* ‘Со старой машиной трудно: купить бы (себе) новую (из новых машин какую-то)’; *Бажың ишти чаагай чыттыг болур кылдыр чечек=тен чулуп эккел* ‘Чтобы в комнате был хороший запах, нарви цветов’.

В формуле структурной схемы все эти три формы представляются символом N=4; порядковый номер винительного падежа выбран нами из трех потому, что винительный падеж является наиболее четким и частым выразителем “прямо-объектной функции”, в то время как и для неопределенного, и для исходного падежей эта функция является одной из периферийных.



Таким образом, в составе структурных схем символ N=4 знаменует не морфологическую падежную форму, но именно синтаксическую функцию прямого объекта — пациенса.

Как было видно из уже приведенных примеров, предикаты модели {N=1 N=4 Vtr кто/что – кого/что (воздействие)} представлены глаголами разной семантики, разных ЛСГ. Однако само понятие о модели предполагает в качестве ее возможных предикатов определенный круг слов — именно те, которые формируют самодостаточное предложение с двумя актантами. Этот круг, как показывают наблюдения, не совпадает ни с какой-то одной ЛСГ, ни с объединением нескольких ЛСГ.

Инвариантным признаком, объединяющим глаголы, составляющие такие множества, и является их способность формировать предложения данной модели. Однако для того, чтобы распознать, действительно ли некоторое речевое предложение (фраза) репрезентирует модель со структурной схемой {N=1 N=4 Vtr} (т.е. не является ли оно контекстуально обусловленным редуцированным вариантом другой, более развернутой модели), нужно представлять себе общий круг предикатов, обслуживающих именно эту, — а в принципе, каждую данную модель.

С этой целью рассмотрим детальнее множество предикатов, обслуживающих модель {N=1 N=4 Vtr}.

Представление о действии в лингвистике традиционно и прочно связывается с представлением о переходных глаголах [Щерба, 1974; Мещанинов, 1978, 1982; Апресян, 1967, 1974; Грамматика-80 и др.]. Но общее множество переходных глаголов не составляет одной лексико-семантической группы, оно распределяется по разным ЛСГ, где они на основании определенных сем, общих для данной группы, соседствуют с непереходными глаголами. Среди ЛСГ глаголов выделяется и обширная ЛСГ “глаголов действия”, которая противопоставляется обычно глаголам состояния и глаголам движения. Глаголы действия — это, естественно, переходные глаголы, но некоторые переходные глаголы лексикологи по неясным, необозначенным причинам оставляют за рамками глаголов действия. Например, в работе “Глаголы действия в современном русском языке”, специально посвященной этим глаголам, Т.А. Кильдибекова оставляет за рамками этой группы “те группы переходных глаголов, в которых значение переходности в той или иной степени ослаблено, например, *бурить скважину, заводить часы, зажечь фонарь, кипятить чай, ковать железо, открывать окно, пахать*

землю, разводить костер, разрушать дом, рвать бумагу, рисовать портрет, чертить линию и т.д.” [Кильдибекова, 1985, с. 48].

Но я как-то не вижу здесь никакого “ослабления” значения переходностью. С моей точки зрения, это как раз те глаголы, которые формируют рассматриваемую нами модель. И совсем другое дело, что связь большинства из них с определенными объектом или типом объектов настолько прочна и привычна, что такие сочетания сближаются с синлексами или “устойчивыми выражениями”. Но вряд ли это можно трактовать как “ослабление значения переходности”.

Ниже Т.А. Кильдибекова как критерий “активности” глаголов действия выдвигает “возможность образования от них пассивных — возвратных и страдательных форм”, — но и этому критерию глаголы, приведенные выше, как раз удовлетворяют.

С точки зрения синтаксиса существенным представляется прежде всего сам факт участия определенных глаголов в качестве предикатов во фразах данной модели, а уже затем — те ЛСГ, которым принадлежат типичные представители этого множества. Трудность состоит в том, что границы ЛСГ часто оказываются размытыми, поскольку основания выделения этих групп обычно экстралингвистичны и лексикологи их взаимно не противопоставляют. Конкретный глагол по одной своей семе может входить в одну ЛСГ, по другой — в другую. К тому же в общем множестве ЛСГ сосуществуют группы разного объема. Например, глаголы физического действия включают в себя ряд глаголов разрушительного действия — *ломать, крушить, разбить* и др.; но *отравить, зарезать, убить* человека, алт. *õl=tjŕ* = ‘причинить смерть, сделать так, чтобы X умер’ составляют особую группу, эти действия оцениваются как “не вполне физические”, поскольку в них присутствует явный “моральный” и “социальный” компоненты.

Это относится и к другим группам — созидания и изменения объекта. Сюда же входят глаголы, называющие отдельные операции (*разрезать, откусить, пришить, ударить*) и комплексные трудовые действия (*построить, отремонтировать, возделывать*). Эти частные группы, если они выделяются как самостоятельные ЛСГ, включают не только глаголы физического действия (например, *написать оперу, испортить свой ответ*). С учетом сказанного, значительную часть глаголов, встреченных в предложениях этой модели, можно отнести одно-

временно к нескольким группам, хотя по сути поставленного вопроса это не особенно существенно.

Анализ предикатов данной модели, встреченных в наших материалах по алтайскому, хакасскому и тувинскому языкам, показал, что основная масса этих глаголов распределяется между следующими основными, крупными лексико-семантическими группами и подгруппами.

1. Центральное место занимают в этом множестве глаголы физического действия (включая глаголы созидания и разрушения, глаголы самообслуживания, глаголы элементарных операций и более сложных “комплексных” трудовых действий).

2. Глаголы перемещения, хранения и поиска объекта.

3. Глаголы потребления, в том числе принятия пищи.

4. Глаголы физиологических процессов, мыслимых как действия.

5. Глаголы ментальных (интеллектуальных) действий, в частности, мышления и восприятия.

6. Глаголы сообщения — речи и шире — оперирования знаками, включая жесты.

7. Глаголы чувства.

8. Глаголы социального поведения.

### 1. Глаголы физического действия

Эту ЛСГ мы рассматриваем как базовую для данной модели. В нее входят глаголы, называющие элементарные физические действия над объектами, определенные “операции” типа *резать, завязывать, шить, прибывать, давать, клеить* и т.п. Например:

алт.: Энези *јаан-јаан огурчын-ды тесе кезеле...* (ТШ, АК, 27) ‘Мать=его большие-большие огурцы тонко порезав...’; *Кымыстын ад=ын Кымылды буулап јат* ‘Кымылды привязывает коня Кымыс’; *Кинчек Челеевич јууга барбаска сабар=ын кезе чаап алган* ‘Чтобы не идти на войну, Кинчек Челеевич отрезал свой палец’; *Тан болбозо, чалгы=зын баж=ын јерге кадай чабала, саб=ын сындырып алган турар* (КТ, КЈ, 181) ‘Иначе, конец косы воткнув в землю, сломает ручку’; *Мен эжик=ти ачтым* ‘Я открыл дверь’; *Тукпаш улуш сопоктор=ын ойто кийди* (ОК, К, 21) ‘Тукпаш снова надел свои мокрые сапоги’;

тув.: *Тыва дарган билзекти соккан* ‘Тувинский кузнец смастерил кольцо’; *Орлуп калган арыннарны угбам чыпшырып берди* ‘Моя сестра склеила порванные страницы’; *Өөреникчилер будук-бүрү баглап турлар* ‘Ученики связывают ветки (для корма скота)’; *Нина дүрген-дүрген ба-*

жсын дырапты 'Нина быстро причесала голову'; Наташа бажсын будуп алырга... 'Когда Наташа покрасила волосы (букв.: голову)...';

хак.: Олғаннар, чистек теерин, тарап парғаннар 'Дети, собирая ягоды, разбрелись'; Чоон-чоон хызыл чистектерни бирде ндеп теерген ол (АХ, А, 11) 'Большие-большие красные ягоды по одной собирает он'.

В эту группу входят и названия более сложных, комплексных трудовых, но в основе своей физических действий, включающих разные операции, объединенные в одном общем представлении, например:

алт.: тургус = 'строить' (дом), кабыр = 'пасти' (скот, табун), сүрүп жарандырап 'возделывать' (землю, огород) и др.; Ол тушта ол колхозчылардыг уйлары=ын кабырган 'Тогда он пас коров колхозников'; ...жер=ди ... кыралап ал, үрендеп кой 'землю ... распаши, посеи'; Уулдар казан=ды белетеп койгон болор (ЖК, УСА, 23) 'Парни еду приготовили, наверное'.

Во всех приведенных примерах переходные глаголы физического действия сочетаются только с двумя актантами — субъектом-агентом и объектом- пациенсом. Но любое из названных ими действий естественно предполагает использование какого-либо орудия или средства.

Под орудиями подразумеваются обычно специально созданные, функционально ориентированные предметы. "Словарь русского языка" С.И. Ожегова (под ред. Н.Ю. Шведовой, 1983) указывает три значения слова *орудие*: 1) Техническое приспособление, при помощи которого производится работа или какое-нибудь действие: *орудия производства, сельскохозяйственное орудие, орудие труда*. 2. *перен.* Средство для достижения какой-либо цели: *Язык — средство общения*. 3. Общее название артиллерийского оружия: *пушка, гаубица, мортира* и т.п.

Как видим, это определение значения слова "орудие" не включает в его объем те "орудия действия", которые даны нам природой — части нашего тела, с помощью которых мы совершаем подавляющее большинство повседневных действий. Мне кажется, что такое невнимание к этим "естественным орудиям" в какой-то мере невольно воздействует и на лингвистов.

В числе глаголов действия, особенно называющих конкретные операции, которые составляют ядро этой группы, немало таких, которые в основном своем лексико-семантическом варианте (ЛСВ) либо не требуют применения орудий, понимаемых в смысле приведенного определения, либо так прочно связаны с определенным орудием, что оно и без

специального указания входит в самое представление о действии. Например, как *от сабарга* 'косить (траву)'. Если действие выполняется косой, то указание на это орудие избыточно; алт. глагол *кес* = 'резать, рубить' предполагает орудия — нож или топор; объект *одын* 'дрова' автоматически предполагает топор, *калаш* 'хлеб' — нож. В таких случаях говорят о "включенной" в семантику глагола (или словосочетания) "орудийной семы" — "семы привычного орудия", которая делает избыточным словесное указание на орудие.

В тюркских языках Южной Сибири немало глаголов, сама основа которых указывает на орудие, например, алт.: *бычак* = *та* 'резать' ("оперировать ножом", *бычак* 'нож'), *кирее* = *ле* 'пилить' (*кирее* 'пила').

Замечу попутно, что глаголы, образованные от имен объектов действия и тем самым включающие объект в собственную семантику — например, *балык* = *та* = 'ловить рыбу' от *балык* 'рыба', *õркõ* = *лõ* = 'охотиться на сусликов', ср. рус. 'рыбачить', 'белковать', будучи переходными, естественно, не входят в число предикатов рассматриваемой модели и не могут считаться "глаголами действия" язык представляет их как глаголы "занятия" или "деятельности"

Я хотела бы обратить внимание на то тривиальное обстоятельство, что всякое, любое физическое действие совершается при помощи орудия; без орудия не может быть самого представления о действии. Такая тесная, органическая связь между физическим действием и орудием порождает определенную трудность описания модели предложения. С одной стороны, синтаксическая позиция орудия как необходимый компонент понятия действия должна входить по меньшей мере в семантическую структуру модели действия. С другой стороны, возникает принципиальный вопрос: достаточна ли применительно к модели действия структурная формула {N=1 N=4 Vtr}, не включающая в себя позиции орудийного актанта? Полностью ли выражает эта запись то содержание, которое заключено в этих предложениях? Имеем ли мы право опускать позицию орудия, которая "незримо присутствует" в плане содержания этой модели, — или она должна получить отражение и в структурной схеме?

С моей точки зрения, факультативность, даже редкость ее замещения лексемами в речи-тексте не должна закрывать собою ее обязательное присутствие в языковом образце. Без орудия действие вряд ли мо-

жет мыслиться как таковое. Поэтому я склонна признать существование в языках полной структурной схемы этой конструкции, которая содержит три актанта: {N=1 N=4 N=7 Vtr кто/что – кого/что (воздействие)} наряду с рассмотренной двухактантной схемой типичной реализации этой схемы в речи-тексте. Символ N=7 (цифра 7 подразумевает творительный (орудный, инструментальный) падеж; возможен и символ N instr).

Этот актант здесь не факультативен, но статус его особый, специфичный. Связь его с представлением о соответствующем действии настолько органична, что его экспликация оказывается избыточной.

Таким образом, полная структурная схема модели, которую формируют глаголы физического действия, трехактантна; но простейшая, самая частотная реализация ее ограничивается двумя актантами. Принцип “экономии речевых усилий” предписывает не называть, даже запрещает называть “привычное орудие”, уже как бы “вписанное” в семантику самого глагола, хотя и с разной силой у разных глаголов. Например, в семантике глагола, означающего ‘кусать’, немецкий лингвист В. Порциг правильно усмотрел сему, соответствующую представлению о зубах как “инструменте” действия: этот глагол не только предполагает “зубы”, но содержит в самом себе как свою сему представление об этом “орудии”. Поэтому фраза *Собака укусила его зубами* не только избыточна — она нелепа, неправильна как по-немецки, так и по-русски или на любом другом языке, где есть глагол ‘кусать’ — “действовать зубами” [Porzig, 1953]; отчасти аналогично и *смотреть глазами, слушать ушами, держать руками, ходить ногами*.

Актуальность позиции третьего, инструментального актанта проявляет себя в речи тогда, когда орудие оказывается ситуативно значимым для говорящим, обращающим на себя внимание, — чаще всего каким-то не вполне обычным. Например, Б. Укачин рассказывает о том, как четырнадцатилетний мальчик Артур справился с медведем с помощью перочинного ножика. Ясно, что без указания на это орудие само данное событие само не может быть представлено адекватно. Ср. также:

алт.: *сөстөриле мени “аткылап”* (БУ,Т,173) “расстреливая” меня своими словами; *Јаш баланың сөзи=ле уурчыларды буруларга бисте јаң јок* (ЛК,АК,260) ‘Обвинять воров на основании слов маленького ребенка (букв.: словами ребенка) у нас права нет’. Понятно, что в этих

примерах происходит метафоризация глаголов, актуализирующая орудийную валентность;

тув.: *Улусту чараш сөстөр биле чемгерин болбос* 'Нельзя кормить людей красивыми словами';

хак.: *Хыс сөстөр=нед не ооларны аар идібисчеткен* 'Девушка только своими словами отталкивала прочь этих парней'.

Многие глаголы обозначают действия, допускающие использование разных орудий, поэтому конкретизация орудия не ведет к избыточности. А уж если действие выполняется необычным орудием, его просто нельзя обрисовать, не указав орудия (ср. рус. шутовое "зарезался огурцом").

Орудия действия нередко указываются и в более тривиальных случаях. Например, алт.: *карандашла темдектейт* 'делает заметки карандашом'; *А ол тушта (сен) мени колмылтыкла кезедип, адын, ченеп турарында ...* (БУ,Т,40) 'А тогда, когда (ты) мне пистолетом грозил, стрелял, пытал...'

Весьма значительную группу предложений этой модели, в особенности же той их части, где позиция N=7 замещена, составляют такие, где в позиции "орудия" выступают — и указываются — части тела, органы человека (или животного) и такие его атрибуты как голос, улыбка и т.п. В выборке из произведений алтайских писателей (Л. Кокышева, А. Адарова и Б. Укачина), ориентированной на формы творительного падежа из общего количества 300 примеров, чуть меньше половины примеров — 141 — пришлось на предложения действия с указанием орудия действия. Дальнейший анализ показал, что среди них доля предложений с орудием в смысле определения "Словаря" составляет всего 18, и еще два примера — действия стихий (*салкын=ла* 'ветром', *кар=ла* 'снегом'), тогда как на долю названий частей тела (включая голос) — 121 пример. Чаще всего в роли орудия выступает рука и ее части — пальцы, ладонь, кулак, локти, на втором месте глаза, голос (вместе 100 примеров), но также и уши, сердце, язык и др. Отсюда, мне кажется, ясно видно, какую роль в осознании действия как такового играют именно "первичные", естественные "орудия". Например:

алт.: *Куран Адучыны мўзиле сокты* (ТЩ,АК,103) 'Баран ударил Адучу рогами'; ср. также: *кольыла имде= / кўзиле имде=* 'делать жесты, подавать знаки рукой, глазами, иногда головой'.

Нередко эти слова получают индивидуализирующие уточнения:

алт.: Иван Трофимович јаан јудругыла столго араай согуп ийди (БУ,Т,48) 'Иван Трофимович большим кулаком тихонько ударил по столу'; јалакай үниле айт = 'ласковым голосом говорить'; јүрегимле сезип 'чувствуя сердцем' — и многие другие;

хак.: *Ол ізикти азахнад асхан 'Он открыл дверь ногой';*

тув.: *Кырган кижси эьтти чидиг бижсек-быле кезип турган 'Старушка острым ножом резала мясо'.*

Подводя итог, мне кажется, можно сказать, что нет должных оснований противопоставлять структурные схемы с инструментальным актантом и без него как представляющие разные модели предложений, описывающих действия. Для всех глаголов, допускающих (предполагающих) действие, связанное с использованием орудия (частным случаем которого может быть собственное тело), это одна модель, допускающая как развернутую реализацию, так и краткую, с имплицитной позицией орудийного актанта.

Однако стоит отметить, что глаголы разрушительного действия — *ломать, разбить, порвать* и т.п. — в отличие от глаголов созидания, труда, не обнаруживают такой тесной связи с орудием; это связано с непреднамеренностью процессов разрушения, что делает их в меньшей мере соответствующими понятию действия и по критериям Е.В. Падучевой.

## 2. Глаголы перемещения, хранения и поиска объекта

К глаголам физического действия близки глаголы перемещения объекта, используемые в специфических лексико-семантических вариантах, формирующих самостоятельные предложения минимального состава, где не предполагаются и не должны домысливаться адресатом речи (текста) координаты и трасса движения объекта (откуда, куда, каким путем, способом).

Очень часто в этой модели используется глагол *экл* = 'принести, привести', в ЛСВ 'сюда', когда координаты говорящего не выражаются и не должны выражаться в речи:

алт.: *Мен Талайканы эклдим (ТШ,АК,32) 'Я привел Талайку'; Алексей суудаг суу эклди 'Он принес воду из реки'; (Ол) калганчы каттап ашты тартып, экелеле, таарда аштарды тўжүрүп болбогон (СМ,ТК,5) '(Она) последний раз, пшеницу таская, принеся, в мешке пшеницу (мешок пшеницы на землю) опустить не смогла'.*



Нередки глаголы перемещения объекта в сторону, вверх или вниз:

алт.: Эркей кѳн ѳк=ти туура йылдырды 'Эркей отодвинула ведра';  
Ол арчымак=ты тѳж ѳрип болбой турган 'Он не мог опустить (вниз)  
мешок'; Клава буд=ын кѳд ѳргедий болды (АК, А, 71) 'Клава смогла под-  
нять ногу'.

Перемещаемым объектом может быть и человек: алт.: Сен мени  
арган бар болзо, сѳр ѳт те ийер эдиѳ (ЖК, ОЖ, 61) 'Если б у тебя была  
возможность, ты бы и выгнал меня'.

В предложениях, построенных по рассматриваемой сейчас модели,  
глаголы перемещения объекта предстают как обозначения действий, со-  
пряженных с движением самого субъекта или частей его тела (руки, но-  
ги), которые выполняют функцию орудий и в речи не упоминаются.

К глаголам перемещения примыкают немногочисленные глаголы,  
описывающие собственное движение субъекта, связанное с преодолен-  
ием препятствия. Преодоление препятствия предполагает и повышенную  
затрату энергии, и целенаправленность, что сближает представление о  
движении с представлением о действии. Препятствие предстает как  
прямой объект действия: перейти реку, проехать станцию, остановку;  
сходные сдвиги представления о движении связаны и с "круговым"  
движением типа обойти лужу и т.п., например:

тув.: Кыргызан-авам чыткан бокту оюп эрте берди 'Бабушка=моя  
обошла лежавший мусор'; Студентилер башкызын углей=ле берди  
'Студенты околожили учителя=своего';

Ср. также шор. Алтайды чѳр салган (АЛН) 'Алтай (весь) обошел';  
ср. рус. Мы обошли все магазины. Здесь движение не мыслится как кру-  
говое, но как связанное с полным охватом объекта, с преодолением  
больших трудностей и с большой затратой энергии. Это в большей мере  
действие, чем движение.

К этим глаголам примыкают глаголы преследования, движения  
субъекта вдогонку объекту:

хак.: Оолах хозанны сѳрискен 'Мальчик гнался за зайцем (букв.:  
преследовал зайца)'.  
'

Еще одна подгруппа, условно присоединяемая к глаголам переме-  
щения — это несколько довольно широко употребляемых глаголов с се-  
мантикой поиска, нахождения и хранения объекта, например, алт. Мен  
адымны бойымнан артык чеберлейдим 'Я свою лошадь больше, чем  
себя, берегу'.

При всей близости этих глаголов к глаголам физического действия формируемая ими модель предложения не содержит в себе имплицитной позиции орудия. Воздействие актора на объект предстает как прямое, не опосредованное орудием.

### 3. Глаголы потребления

Эта ЛСГ невелика; ее ядро составляет четко выделенная подгруппа широко употребляемых глаголов принятия пищи, с разных сторон описывающих и тем самым дифференцирующих представления о действиях принятия пищи. Это основной глагол — алт. *ju=*, тув., хак., шор. *чи=*, *чи=*, а также глаголы *ич=* 'пить', *амза=* 'пробовать' и ряд других:

алт.: *Бөрүлер кулун=ды јип салдылар* 'Волки съели жеребенка';  
*Акыр ла болзын, ... аракы ичпейин* 'Не дай бог... водку пить я не буду';

хак.: *Ибде д агылган чишти чип алгабыс* (Т,24) 'Продукты, которые привезли из дома, съели мы'; *Чей оортааннар паза айахтагы вареньени тооза чеенер* (КМ,15) 'Они пили чай и съели все варенье (которое было) в чашке'; *Миргенек халас тайнап сыхсан* (КМ,4) 'Миргенек начал жевать хлеб'.

Глаголы потребления часто употребляются с частичным объектом в форме исходного падежа: алт. *Киске айагында соок суудан амзап...* (ЛК,АК,5) 'Кошка, попробовав холодной воды в миске,...'; *Алдыгарда јаткан аш=таг амзагар, тәрәйдөрим!* 'Родственники, угощайтесь едой (кушайте от еды), которая перед вами'; тув. *Эртип, шайдан ижнер* 'Проходите, выпейте чаю'.

К ним примыкают некоторые другие глаголы потребления — *тра-тить деньги, износить одежду, курить табак, (сигарету)* и т.п.:

тув.: *Ада-иемден алган акшамны төндүр чарыптым* 'Я истратила все деньги, которые брала у родителей'; *Беш чыл бурунгаар садыт берген джинсы чүрүрүмү дунмам орулдур кедипкен* 'Моя сестра износила джинсовые штаны, которые я ей купила 5 лет назад'.

Глаголы потребления также формируют фразы без участия орудийного актанта.

### 4. Глаголы воздействия на физический (биологический) организм

Эту группу составляют глаголы, описывающие процессы воздействия, непосредственным объектом которых является организм живого существа. Чаще всего это, конечно, человек, но нередко и животное или даже растение, которое выступает как "живое".

Алт.: Мени бойыг ойгоспогон (ТШ,АК,631) 'Ты сам меня не разбудил';

тув.: Алдарлыг эмчи үш кончуг оолду өстүрүп каан 'Знаменитый врач вырастил трех прекрасных сыновей'; Малчын анайларны эмзирип тур 'Чабан кормит (из соски) козлят'.

Часто объект такого воздействия предстает не как организм-целое, а как конкретный орган, часть тела:

алт.: Слердинг жалудыгарды мен эмдеп берер эдим 'Я бы ваш желудок вылечила'; Курачы көзүн торт ачпас (ЛК,АК,223) 'Курачы совсем не открывает глаз'; ср. также: Нөкөрүм борбок сагал өскүрүп алган (БУ) 'Мой товарищ отрастил пышную бороду' и Ол тушта мында улус картошко өскүрүп билер эмес 'В то время люди здесь картошку выращивать не умели ведь';

Это множество пересекается с глаголами физического действия, выступающими в своеобразных ЛСВ. Например:

алт.: Городтогы больницада көп катап балдардын кинин кескем (БУ,С,201) 'В городской больнице я много раз резала детские пупки'; Тамагын үе тартып койгон эмтир (ЖК,УСА,33) 'Глотку его совсем разорвал, оказывается';

как: Адайлар хорганда тиллерин узун сыгарып, сөлиндире чатханнар 'Собаки в будках, далеко высунув свои языки, растянувшись лежали'.

Предложения с глаголами этой группы формируют самодостаточные предложения с двумя актантами.

## 5. Глаголы интеллектуальных действий —

### мышления и восприятия, мыслимых как действия

Эту группу составляют, во-первых, глаголы знания, узнавания, понимания, осмысления наблюдаемого:

алт.: Мен машынагарды ондобос болбойым (ЖК,К,71) 'Я, наверное, в вашей машине не разберусь (букв.: вашу машину не пойму)'; Эже, слер мени таныбай турар ба? (ЭП,А,8) 'Сестра, вы меня не узнаете?'; Ол жүрүмди ... Эркеменнен артык ондоп жат 'Он жизнь лучше Эркемена понимает'; Жалаа жууныг токтогонуян жаны ла билип тургандый болды (ЭП,А,24) 'Дыала, казалось, только что заметила окончание войны (то, что война кончилась)'; Адам айткан сөзүн де ундыл... (БУ,Т,108) 'Отец, забыв сказанные им слова (слова, которые он сказал),...';

**хак.:** *Ол чуртас отире сағызында ал чӧрген, чӱреене сиип парған кил-чоох=ты сағынча* (ВТ, Аас, 14) 'Он всю жизнь в мыслях носимую, в сердце впитанную легенду обдумывает';

**тув.:** *Ол болушкунну көңүс уткан дыр мен* 'Я этот случай совсем забыл'; *Бажсын Наташа будуп алырга, мен ону танываан мен* 'Когда Наташа покрасила волосы, я ее не узнала'.

Во-вторых, глаголы восприятия. Например:

**алт.:** *Эртен тура слер мени көрбӧс турыгар* (СС, АКС, 100) 'Утром вы меня не увидите'; *Алан сууны жакалай турган деремнени аҕыктап, онын ӧскӧлӧнип калганын көрүп ийерге мендеп турды* (ЭПА, 5) 'Алан, разглядывая деревню, стоявшую на берегу реки, спешил увидеть, как она изменилась'; *Карчага письмолорды көргөн* 'Карчага видел письма'; *Мен бу куучынды јаштап ала угатам* 'Я этот рассказ слышал с детства'; *Айландыра отурган улус бу кожоҥды угуп, чала тымый берди* (КТ, КЈ, 29) 'Сидящие вокруг люди затихли, слушая эту песню';

**хак.:** *Камзар таныс нимес хысты көр сыххан* (ИТ, Т, 11) 'Камзар стал разглядывать незнакомую девушку'; *Тана сiлiг хоосты көрiп одырган* 'Тана разглядывала красивый рисунок'; *Хыринча оларнын хаалаҕлары истiл парыбысханнар* (ИТ, Т, 21) 'Рядом послышались и удалились их шаги';

**тув.:** *Коридорда ыглап турган уругну эскерип кагдым* 'Я заметил девушку, плакавшую в коридоре'; *Баштай ыт чиктиг чытты чыттап каапкан* 'Собака первая почувствовала странный запах'.

Эти глаголы также не требуют участия третьего актанга, т.е. являются "полноправными" предикатами модели {N=1 N=4 Vtr}.

В эту же группу я отнесла и ту сравнительно небольшую группу глаголов речи, управляющих прямым объектом. В понятие речи я включаю и устную речь, и письменную, как активный ее аспект (говорение или писание), так и восприятие речи, слушание, чтение, понимание.

Эти глаголы формируют два типа предложений в соответствии со структурной схемой {N=1 N=4 Vtr}; соответственно выделяются и две подгруппы глаголов передачи информации. Первую составляют те, которые обозначают речь, прямо направленную на адресата. Адресат становится объектом заключенной в речи оценки и санкции (*ругать, хвалить, проклинать, чернить*):

алт.: Энем эжмди тыя арбайт 'Мать моя сильно ругает мою старшую сестру';

тув.: Чолаачыны директор кончуп каапты 'Директор поругал шопера'; Түрк дыл башкызы өөреникчилерин чаа мактаан 'Учитель турецкого языка похвалил учеников';

хак.: Чыылыгда пабамны кѳн хати мактааннар 'На собрании моего отца много раз хвалили'.

Вторую группу составляют те глаголы (ЛСВ), при которых прямой объект представляет сказанное, т.е. "продукт" устной или письменной речи:

алт.: Бис эрмек те айдып болбой турдыс 'Мы даже слова не могли сказать'; Мен андый сѳс айтпаан болойын (КТ,КJ1,11) 'Пусть будет так, не говорил я таких слов'; Эмди Кымыс биске "Ладаны" кожондоп берзин 'Пусть теперь Кымыс споет нам "Ладу"; ср. также: *Ол беш книганы бичип берди* 'Он написал пять книг';

хак.: Мин, городта чуртап, газета-журналлар даа хыгырбиныбыстым (ИТ,Т,41) 'Живя в городе, я перестал читать даже газеты-журналы; *Ол кѳн сын на нимелер чоохтанчам* (ИТ,Т,68) 'В этот день я говорю только правду';

тув.: *хей чѳве чулчуруур* 'молоть чепуху, говорить вздор'.

## 6. Глаголы, описывающие жестикуляцию

Эту группу глаголов еще предстоит выявить на материале изучаемых языков. Жестикуляция — специфическая форма передачи специфической же информации; как и звуковая речь, это тоже "оперирование знаками", но имеющими другую природу. Жесты характеризуются очень своеобразным знаковым устройством, которое не предполагает никакого "внутреннего членения" ни плана выражения, ни плана содержания, которые просто не существуют одно без другого. Но в каждом языке, звуковом и письменном, многие широко употребляемые жесты получают отражение в устойчивых сочетаниях названий действующей части тела, лица и того действия, которое "составляет" жест. Но каждый язык находит свои способы соединения этих компонентов. Сейчас я имею в виду те "формулы", которые отвечают структурной формуле {N=1 N=4 Vtr} — например, *поднять руку, почесать затылок, сморщить нос*.

Как уже сказано, пока в моем распоряжении есть лишь небольшой набор таких конструкций, и в основном они имеют другую структуру — {N=1 N=7 Vintr}, например, алт. ...*Арсланбекке кўлўмиулы кўстўриле имдей салып* (БУ,Т,238) 'Арсланбеку смеющимися глазами сделал знак.'

Но есть и четко соответствующие формуле N1 N4 Vtr. Например:

алт.: *баж=ын тўмўн тудар* 'опустить голову', *баж=ын бўкўйтип* (эзендеш=) 'поклониться (при встрече) (букв.: голову наклонить)'; *баж=ын жайкаар* 'покачать головой'; *кўзин жумар* 'моргать'; *кўзин жумуп ийер* 'моргнуть, подморгнуть'; *мандай=ын чырчыйт* 'морщить лоб' и др.;

жак.: *Аны истип, Тайса ахсын хойралтыбысхан* (ИТ,Т,13) 'Услышав это, Тайса искривила свой рот'; ср.: ...*ниске ирнiлерiн хойралтып, кўлимзiрепчеткен* '...улыбалась, искривив свои тонкие губы'; И-и, не хочу — *ирнiн ырбайтча хызычак* (ИТ,Т,16) 'И-и, не хочу! — надует свои губы девочка'; *Мин пазым на чайхан салғам* (ИТ,Т,22) 'Я только покачал головой (голову)'; ср. *пазын тўбiн тудып* 'опустив голову', *пазын икiп* 'кивнув головой (голову)'; *Кiзiлер айаларын саап тирчелер* (ИТ,Т,16) 'Люди хлопают в ладоши';

тув.: *хавак дўер* 'морщить лоб', *аасты хыйыштырар* 'косить, крикнуть рот'; *дорбейтир* 'надуть губы' и др.

### 7. Глаголы чувства, прямо направленного на объект

Большинство глаголов, выражающих чувства, — радости, огорчения, недовольства, обиды, злости и др., — в тюркских языках управляют дательным падежом объекта, которому они "адресуются". Но есть несколько глаголов, которые выражают прямую направленность чувства на объект, который тем самым предстает как целиком втянутый, вовлеченный в сферу исходящей от субъекта эмоции, — например, глаголы с семантикой 'любить', 'ненавидеть', 'уважать', 'жалеть', 'скупать', 'ждать'. Но в каждом языке "наборы" таких предикатов свои, хотя и пересекающиеся. Например:

алт.: *Оны андагы улустар коркушту сўўп жат* (ЛК,АК,228) 'Ее тамошние люди очень любят'; *Алтайдыг чанкыры керегинде бу орус кожонды ончолоры сўўп жат* (БУ,С,196) 'Все любят русскую песню про синеву Алтая'; *Ол мени катап ла "балам" деп эрке јажсыркатты* 'Он снова меня нежит, говоря "балам" (=дитя мое)'; *Билерим, сен мени*

*кыйа көргөн* (ЖК,ОЈ,61) ‘Я знаю, ты меня ненавидишь’; *Баатыр уулчак сакып туругар ба, Тарынчак, айса бойлу бала болор деп туругар ба?* (БУ,С,200) ‘Богатыря-мальчика ждете, Тарынчак, или думаете, что будет девочка?’;

хак.: *Пир саринаң аны аяпча, че хада апарарға чарабас* (НТ, КК,23) ‘С одной стороны, (она) жалееет его (пса), но брать с собой нельзя’; *Каврис түгөн чі тай=ыз=ын улам сағыныбысхан* (НТ,КК,8) ‘В последнее время Каврис стал сильно скучать по дяде (букв.: дядю).

Но, например, в хакасском и тувинском предикаты с семантикой ‘любить’ управляют дательным падежом, как и другие глаголы чувства: хак. *Мин сагаа хынчам, Клаша* (НК,ЧК,29) ‘Я тебя люблю, Клаша’; тув. *Мээн эштерим кызыл өд=ге дыка ынак* ‘Мои друзья очень любят красный цвет’.

Модель, по которой строятся фразы с этими глаголами, тоже двухактантна — {N1 N4 Vf}.

### 8. Глаголы социального поведения и некоторые др.

В эту группу мы выделяем глаголы, называющие действия, которые не являются ни физическими, ни интеллектуальными, ни речевыми, ни психическими; это комплексные действия-события, в содержании которых существенное, может быть, доминирующее место занимает социальная значимость данного действия, его предписанность или связанный с ним запрет, его соответствие или несоответствие социальным нормам, обычаям, социальной практике данного общества. Например:

алт.: *Сен кижиниң өркөзин не уурдап турган* (ЖК,АЮ,55) ‘Ты почему чужого (моего) суслика украл’. Украсть — это не просто глагол физического действия из группы ‘взять’ — можно украсть, и ничего не трогая, лишь манипулируя счетами в банках; украсть — это прежде всего нарушение социального запрета. Ср. также:

алт.: *Эрден бығыл кижси алган* (БК,С,197) ‘Эрден в этом году женился (букв.: взял человека)’; *Канайдар, кудайдын жагынаң чыгар арга жок — той эткендер* (ЖК,ОЈ,49) ‘Что делать, против Божьей воли идти нельзя — сыграли (букв.: сделали) свадьбу’; *Эжектиң сөбө=ин жууп койоло,...* (Ишод,ЛЈ,625) ‘Похоронив Эдьек, ...’; *Калганчы айдо Павлов норма=зын ажыра бүүд үргөн келиндерге бир күн отпуск та берип турар болды* (ЛК,АК,158) ‘В последнее время Павлов стал давать один день отпуска женщинам, первыполнившим нормы’.

В эту же группу мы относим такие действия-события, как создание учреждений (открыли новую школу, детсад, магазин), постановку спектаклей, концертов:

алт.: *Бис кичинек пьесалар тургузып, кожонду ла бижелу кыскачак концерттер аткўрип туратаныс* 'Мы, ставя маленькие пьесы, проводим коротенькие концерты с песней и танцами';

тув.: *Декабрь айда биске чаа школа ажыткан* 'В декабре у нас открыли новую школу' (Ср. *открыть дверь* — глагол тот же, но ЛСВ существенно иной);

как.: *Ааларда наа магазиннер азылча* 'В деревнях новые магазины открываются'.

Глаголы этой группы формируют предложения по той же минимальной для транзитивных глаголов структурной схеме с двумя актантами — актором и пациенсом, не включающей орудийного компонента. При многих глаголах этого типа он просто невозможен, в других случаях факультативен.

Конечно, здесь охвачены далеко не все лексико-семантические группы предикатов, способных формировать предложения по модели {N=1 N=4 Vtr}. По приведенным примерам видно, что это множество формируется из многих источников, из многих разных ЛСГ, круг которых мы не ставили целью исчерпать. Вряд ли можно считать его в принципе закрытым, учитывая широкие возможности словообразования, словотворчества в тюркских языках.

Но в заключение я хотела бы отметить тот факт, что центром общего "поля действия" являются, безусловно, глаголы конкретного объектно-направленного физического действия. Именно фразы с этими предикатами задают тот эталон, на который "равняются", ориентируются лингвисты, говоря о том, что все или какие-то переходные глаголы, выступающие в качестве предикатов этой модели "обозначают действия". Критерии понятия действия, предложенные Е.В. Падучевой, несомненно, позволяют гораздо более четко, чем раньше, очертить и операционализировать это понятие. Однако соотнесение эмпирического материала с этим эталоном показывает, что мы мыслим в качестве действий и такие процессы, которые лишь частично соответствуют эталону. Так, многие транзитивные глаголы за рамками ЛСГ физического действия, например, глаголы восприятия — *услышать, усидеть, рассмотреть, показать, прочитать* и т.п., глаголы преодоления преграды — *перейти ру-*



*чеек, переступить порог* и другие, не предполагают в итоге изменения объекта.

Если смотреть на этот класс предикатов модели {N=1 N=4 Vtr} с лексикологической точки зрения, он предстает как сугубо окказиональный; составляющие его глаголы объединяет только то, что все они, будучи переходными, способны формировать представление о целостном действии с опорой только на объект действия и его субъект.

Но под синтаксическим углом зрения именно это — наличие тех необходимых и достаточных компонентов смысла, которые позволяют этим глаголам реализоваться в минимальной “модели действия” — “открывает” у них прямообъектную валентность. Отсутствие у таких глаголов (или у ЛСВ с данной семантикой) “лишних” валентностных требований позволяет формируемым ими предложениям выразить идею действия “как такового”. И оно выражается тем более ярко и четко, чем органичнее соответствие между собственной лексической семантикой глагола и требованиями модели.

С этой точки зрения глаголы физического действия, будучи центром всего “поля действия”, противостоят широкой и достаточно пестрой по составу “периферии” именно в том отношении, что в их семантике присутствует, а потому и проявляет себя в их конструктивных потенциях, очень важная орудийная сема, предполагающая орудийный актант или “оправдывающая” его отсутствие в поверхностной структуре фразы. Благодаря ее наличию “действенная семантика” этих глаголов становится очевидной. Но особый статус этой валентности, легко и естественно допускающей имплицитный характер соответствующего актанта, облегчает глаголам физического действия вхождение в широкое общее множество глаголов действия, обеспечивая тем самым возможность “действенной интерпретации” глаголов других групп, строго говоря обозначающих “квазидейственные” процессы. Благодаря этому мы получаем возможность — и право — говорить о “ментальных действиях”, о речевых действиях, о социальных действиях и т.д., хотя собственная семантика соответствующих глаголов явно не соответствует тому каноническому представлению, которое намечено в работе Е.В. Падучевой.

Стоит, пожалуй, отметить и то обстоятельство, что глаголы физического действия, заключающие в себе орудийную сему и имеющие валентность, направленную на орудийный актант, индуцируют ее и на другие глаголы, втянутые “в орбиту действия”. Это широко проявляется

в русском языке и речи, когда при глаголах, лишенных этой семы, "открывается" позиция псевдоорудийного участника ситуации: *думать своими мозгами, своей головой, шевелить мозговой извилиной, любить всем сердцем, сочувствовать всей душой, дышать всей / полной грудью* и т.п. В тюркских языках тоже наблюдается подобное словоупотребление, хотя и значительно реже.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М.: Наука, 1974.  
 Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.  
 Кильдибекова Т.А. Глаголы действия в современном русском языке. Саратов, 1985.  
 Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л., 1978.  
 Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1983.  
 Падучева Е.В. Глаголы действия и их сочетаемостные свойства // Действие: лингвистические и логические модели, Тезисы докладов. М., 1991.  
 Русская грамматика. М., 1980.  
 Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974.  
 Porzig W. Das Wunder der Sprache. Berlin, 1953.

#### СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

- АА,УБТ — А. Адаров, Уча берген турналар. Горно-Алтайск, 1980.  
 БУ,С — Б. Укачин, Сүүш ле бшгөжү. Горно-Алтайск, 1981.  
 БУ,Т — Б. Укачин, Туулар туулар ла бойы артар. Горно-Алтайск, 1985.  
 ИшодКJ — В. Шодоев, Кызыланду жылдар. Горно-Алтайск, 1984.  
 ЛK,AK — Л. Кокышев, Алтайдын кыстары. Горно-Алтайск, 1980.  
 KJ,УСА — J. Каинчин, Уч-сүмер алдында. Горно-Алтайск, 1986.  
 KJ,AJÖ — J. Каинчин, Айлыбыс жангыс өзөктө. Горно-Алтайск, 1984.  
 KJ,OJ — J. Каинчин, Ол жараттан. Горно-Алтайск, 1980.  
 TШ,AK — Т. Шинжин, Ак кулун. Горно-Алтайск, 1981.  
 TШ,ЫЭИ — Т. Шинжин, Ырыс эжелген ижеми. Горно-Алтайск, 1986.  
 CM,KK — С. Манитов, Туулардын кыстары. Горно-Алтайск, 1984.  
 CC,AKC — С. Суразаков, Алтайым керегинде сөс. Горно-Алтайск, 1985.